

Олли Лукойла

Командировка - это всегда сомнительное удовольствие. С одной стороны, это замечательная возможность попутешествовать, посмотреть на дальние города и регионы страны, или же вовсе - на дальние страны, не исключено, что заморские, при этом на халяву и не особо-то, как правило, напрягаясь. С другой же стороны, сложно найти ситуацию суетную и кишашую всевозможными неожиданностями в большей мере, чем отправка в командировку. Если к запланированному летнему или зимнему отпускному отдых ты тщательно готовишься, продумываешь все нюансы и заранее иногда смакуешь предстоящую поездку, скрашивая серо-буро-малиновую тоскливость будничных дней, то уж что-то, а командировка сваливается всякий раз прямо как снег на голову, особо не утруждаясь быто продуманной и обсмакованной.

И совсем уж неприятно, если шлют тебя ни куда-нибудь типа Сейшельских островов, Лос-Анджелеса или, хотя бы, Питера, а, к примеру, как Велимира, в окрестности деревни Сургучные Икпитли, о которой известно разве что её старинное многовековой давности происхождение да отстроенная ещё поди при царе Горохе крупнейшая в области фабрика по производству особо чистого сургуча, проработавшая до скончания времён Советского Союза и вместе с ним же ушедшая в небытие, оставив лишь руины на радость местным ребятишкам и любителям отстраивать приусадебные баньки-сарайки из бесплатного кирпича. Что же до значения второго слова в названии деревни - Икпитли - то оно оставалось загадочным и необъяснимым не только для случайно забравшихся в такую глухомань бедолаг, но даже, вероятно, и для самих местных жителей.

Поэтому узнав о направлении своей командировки, Велимир испытал весьма и весьма мало радости. Была у него, правда, одна небольшая особенность, касающаяся его здоровья, по поводу которой он и к врачам-то как-то особо обращаться стеснялся. Всякий раз, когда он приезжал впервые на какое-то новое место, он так волновался и так сильно потел от волнения, аж исходя испариной, что поутру на его теле всенепременно образовывались покрасневшие испарины, которые затем по полдня дико чесались. Велимир понимал, как глупо это выглядит со стороны, но ничего поделать с собою он не мог. Вот и в этот раз, будучи отправленным в командировку в Сургучные Икпитли, он разве что не дрожал от страха перед неизвестным. Задача его, надобно сказать, была не столь уж и сложна. Нужно было, всего-то навсего, в течение

нескольких дней поконтролировать и подробно проинспектировать качество работы недавно поставленных за деревней нефтяных вышек во чистом поле на буквально несколько лет назад обнаруженном крупном месторождении нефти.

Деревня эта стояла на таком отшибе, что в низкой компетентности, а точнее, в отсутствии таковой у местных жителей, можно было даже практически и не сомневаться. Единственным местом в Икпитлях, где можно было остановиться на ночлег, была довольно крупная изба деда Вышаты, а по отчеству звавшегося Пахомычем. Велимир, прибыв в деревню, первым делом спросил у встретившегося ему жителя, где можно отыскать избу Вышаты, заодно удивившись ахаичному диалекту, до сих пор сохранившемуся в здешних краях, а оттого диковато звучащему и доходящему далеко не всегда.

- Уууу! Та эт жа ты не местнай шо ль? Та хто жа избу Вышаты-та не знат! - показал абориген на высившийся над домами полусказочной наружности терем, искусно расписанный разными красками и достаточно тонко отделанный красивой узорчатой резьбой. Вот туда-то командировщик и отправился. Он постучал в ворота раз, потом ещё раз и ещё. Никто не отзывался. Наконец, где-то внутри нечто громко стукнуло, раздался грохот оцинкованных вёдер и громыхания ушат, а перед ошарашенным Велимиром предстал красный и распаренный, похоже, только что вылезший из бани полного и крепкого телосложения дедок довольно среднего роста, плюгавенький, поддлысоватый и с берёзовым веником, прицепленным куда-то к поясу наперевес по примеру то ли казацкой шашки, то ли арабской сабли, то ли рапиры для фехтования.

- Проходь, проходь. Меня Вышатой кличут. Знамо мене, знамо, шо ты тута появися, меня жа передупредили ужо. - сказал хозяин дома.

- Кто предупредил? - удивлённо поднял брови Велимир.

- Та ужо хто - эт мене самому ведати лишь велено, а другому никому не велено. Не усё ль тебе равно? - спросил Вышата. - Ну та ужо привечаю тебе хлебом-солью, ух та ужо привечаю я тебе, и ажно деньгу-та не взберу.

Велимир пожал плечами плечами. С каких это пор незваных и безвестных гостей всякий раз в хату себе пускать за просто так, особенно если они - не пойми какие официальные лица, возможно, даже сомнительного происхождения. А ну как стырят, что криво лежит? Внутри хаты было опрятно, хотя и незатейливо. Земляной пол, высоченный-превысоченный потолок с множеством свечей и полным отсутствием даже намёка на электричество, грубая деревянная, едва

отёсанная мебель, мутноватые пыльные окна да берёзовые веники висящие под потолком, какие-то курящиеся масляные лампы, лежанка в углу - вот, в общем, и всё убранство. Стол однако же ломился от яств: были тут и рябчики, и пареная репа, и морс из костяники, и хрящик хруща, и оленина, и телятина, и яйца перепелиные, да и куриные тоже. Ладно, хоть бычьих не было, поджаристых, в маслице. В общем, всего тут было навалом.

Уже темнело, и когда хозяин и гость дома плотно перекусили, Вышата сказал: “Знамо, ако а то жа, мене знамо! Тожа мене сказали, шо вона те вышки тебе нужны, ну та сопровождаю я тя у ту сторону, ты сам-та жа поди не допешаш безо мене”. Велимир вышел в огород за избой. Прямо за огородом вдаль простиралось колосющееся русское пшеничное поле с торчащими то там, то сям подсолнухами, точно бы возникшими здесь от каких-то случайных бомбардировок, только разве что семечками. В лучах заката поле казалось розово-оранжевым, как редкая разновидность фуксии, и лучи солнца, касавшегося горизонта, прямыми линиями распространялись, проходя сквозь перистые облака и достигая почти самого зенита. Зрелище было поистине завораживающим.

Единственное, что несколько портило весь идиллический сельский пейзаж, так это торчащие у того же самого горизонта чёрными журавлями, клющами поверхность земли, новые нефтяные вышки, принадлежащие компании, которая и отправила Велимира в командировку. Дед Вышата постоял, подышал, поохал и произнёс:

- Ну уж точно гляду - не доберёся, ой, уй я гляду - не доберёся!

- Да как же это я не доберусь, Вышата Пахомыч? - удивился Велимир. - Вот же они, под носом прямо!

- Ой та заплутаеш ты, заплутаеш, должен со тобою завтрись иттить. А то буди ты иттить усё ко ним та усё ко ним, а усё токмо ото них окажется. - причитал хозяин избы. - Та ты знаш, нонче-та баньку тебе посетити не мешало-та ба, а то потня, гляду, со дороги-та ты, вестимо. Оно ба опосля баньки-та та и спалоси ба соподручне, и сны ба тебе дивныя завиделися. А у нас тут мыло тако ядрёно, ну тако ядрёно, шо местныя сивуха, ни один клоп опосля мыла такого не заукусит - сразу издохнет веси.

- Спасибо, Вышата! - сказал Велимир. - Не откажусь я в баньке твоей попариться. А то у нас в городе всё ванные, джакузи, ну в лучшем случае - сауны. А в таких банях домашних да приусадебных я, нааверное, с самого раннего детства не бывал. - с этими словами Велимир, полный вдохновенного воодушевления, взял выданные ему

ушат и полотенце и отправился напрямиком в парилку. Там было очень сыло и туманно. Казалось, что в баню в концентрированной форме втиснулась целая туча. Пара было столько, что едва можно было разглядеть собственные руки. И в этом шипящем жаре, градусов этак на сто тридцать, пот прошибал буквально за несколько секунд. Долго находиться в такой обстановке было практически невозможно.

В очередной раз раскрывая рот, как вытасченный на сушу карасик, и с жадностью вдыхая кипящий поздох, неустанно окатываясь из ушата прохладной водой, Велимир увидел в углу бани какой-то колышавшийся сгусток тумана. Сначала этот сгусток ему вроде бы как померещился: стоило посмотреть на сгусток в пор - и он исчезал, переставая клубиться, стоило же посмотреть куда-то вбок, в другую сторону, так, чтобы угол этот, в котором мерещился сгусток, очутился на периферии зрения, и вот туманчик тот уж опять начинал казаться. Велимир проделал эту зрительную процедуру столько раз, что у него уже не осталось никаких сомнений: ну точно, там в углу что-то есть!

В конечном счёте, сгусток всё более и более принимал очертания и становился, казалось, всё более и более материальным и плотным, и вот теперь его уже можно было видеть в упор, как странное темноватое облако тумана. Хоть от этого и делалось не по себе, но моющийся командировщик решил не принимать сие явление слишком уж близко к сердцу, зато продолжать мыться, париться и потеть. Велимир даже специально повернулся спиной к тому углу, в котором виднелся сгусток, чтобы не смотреть туда и не думать даже о том, что же там вообще происходит.

Но когда он обернулся, то увидел, что там стоит нечто вроде маленького человечка ростом, наверное, метр с кепкой, если не меньше. Выглядел человек довольно добродушно. Он был чень коренаст, плотно сложен, чем-то напоминая хозяина бани Вышату, разве что значительно меньше размерами. Несмотря на дикую жару и духоту, царившую в парилке, Велимира от испуга тотчас же пробрали ледяные иглы озноба. Человечек был одет, хоть и находился в бане. На нём была белая рубаха, подпоясанная конопляной бечёвкой, светлые лапти из берёзового лыка, широкие промасленные шаровары, приобретшие от длительной носки уже полностью неменяемый цвет. Образ колоритно дополняла узорчатая тесёмочка на голове, плотно прижимающая длинные волосы, похожие на парик из конского хвоста. Спускаясь куда-то вниз и хитро спутываясь, они превращались в длиннющие седые усы и такую же длиннющую квадратную белую бороду, выпирающую лопаточной, как у ассирийских царей когда-то в

древности.

Но единственное, что приковывало взгляд более, чем что бы то ни было, так это и был именно взгляд. Взгляд этого странноватого существа, смотревшего пронзительно, точно бы всматриваясь куда-то вдаль, но при этом в упор рассматривая Велимира. У человечка были нечеловеческие глаза - угольные, блестящие, похжие на глаза хищной птицы или какого-нибудь там ворона, например. Велимиру совсем поплохело. Он стал глубоко дышать, но у него очень закружилась голова и он чуть не потерял сознание адской, действительно, просто дикой духоте парилки.

Прошла минута или две. Всё было тихо и спокойно. Человечек просто стоял и смотрел на него не шевелясь. Хоть Велимир и не был суеверен, но, таращась в сторону существа, стал тут же отмахиваться рукой, неустанно повторяя: “Чур меня, чур меня!” И, стараясь больше не отвораачиваться от человечка, прекратив чураться, пулей выскочил в предбанник. Наспех обтеревшись полотенцем, ещё мокрый и взъерошенный, влетел гость из бани в избу Вышаты Пахомыча и, тараторя, принялся рассказывать о только что виденном им существе. Хозяин дома выслушал своего гостя с серьёзным видом, покачал головой, помолчал немного и с видом знатока сказал:

- Ну эко ты, сынку-та перегрелси мене тута. Эт тебе не надобно-та было ба стокмо у баньке-та парися, ты жа у нас городской, непривычной ко баням-та местнам. Тута жа аки перегреесея, тебе ишо и не тако почудися. Диво, ыть, яму замерещилоси. Та на такай жаре ишо не така-та нечись чудися. А ако ужо у нас на дереуне мужуки-та бормотухи со местнах ягуд каки се нагонюць-нагонюць, выпьюць, значиса-ма, по паре черпачков глубиною у поларшину, та и хыть се во баню-та со веничкам берёзовам, а опосля таки-та сказки баюць, шо ты и сам-та диву даёси, откудыти тама шо узялоси. Та ты давай-ка, давай-ка, уразумей поменьша обо домовых-та та о банных. Ложиси спати - утро вечера мудренее, а тама назавтри ужо-ка сопровождаю я тебе та вышак этих вороных.

Утром, столь же дивным и чудным, как виденный вчера в бане человечек, с первыми лучами восходящего солнца Велимир проснулся на травянистой лежанке хаты Вышаты и обнаружил, что хозяин не просто уже давно на ногах, но также бодр, подтянут и пребывает в благодушном настроении. А вот самому Велимиру так весело не было: все его бока дико заперели и теперь просто невероятно чесались. Заглянув под майку, он обнаружил, что кожа там размокла и покраснела. Решив воспользоваться случаем, он спросил у хозяина избы, а уж не

знает ли тот, как с прелой напастью-то бороться?

- Знамо мене, знамо, а то жа! - закивал Вышата. - Ести у нас тута местнай травник, Порфирий Путятых кличут яго, ужо сопровождаю я тебе и ко Порфирию нашаму, аки ко вышкам. Ему тожа ведомо, видати, аки таки напасти слечивати. У него-та ото всего травы сыщуси: и для шукуры полезныя, и для животу, и для радуси, и дажа уму-разуму учащая - о каки травы быват. Усяки травы, усяки. Дык-та мы можам умести пройтиси уси ко вышкам-та твоям. Друже он, Порфирий, товарищ мое, вота та заодно и запокумекаете вдвоечкась, а яму костяхи размяти лишком не бути, ужо поди завалялися у стараго хрыча-та, кабы та не сникися вовсе-та.

Вскоре оказалось, что загадочный травник не только жил неподалёку, а и вовсе был соседом деда Вышаты, но, в отличие от последнего, чьё телосложение, как уже было сказано, виделось крепким и полным, дед Порфирий был полной противоположностью Вышаты: был высок, довольно худощав, но при этом производил впечатление како-то массивности, он, несмотря на худобу, скорее, был толст в кости и жилист.

- Ну шо, во путь-дорожку собиратися надобно ба. - сказал хозяин дома, когда все трое сидели за столом, завтракая ягодами черники, ежевики, квасом да капустным листком.

- Надобно, надобно. - кивал ему в ответ Порфирий.

- Ну вота по пути и усудим тревоги твоя житейския, Велимирушка. - дед посмотрел довольно пристально и в упор. - Ужо попехам-та, подём.

И старики начали очень активно собирать какую-то котомку, заворачивая в неё как можно больше съестного.

- Да тут идти-то три или четыре километра. - удивился Велимир. - А собираетесь, как будто в поход какой дальний.

- Канеш, далече иттить-та жа пехом! Эт мож оно тебе тута во избе моя таки кажеся, а у нас тута-та того, воздух особливый - миражи-та он ух каки наводити-та гораздый. Тобе видимо акое, а нама ведомо усякое. Места у нас чудыя та дикае, ты таких мест ниуде на свете усём не сыща, ну разве-тки у краях уде дальнях та заморскях, та и то тако-та не сыща, пожалуй.

Тем временем, Велимир вышел на улицу и решил немного побродить по Сургучным Икпитлям. Не ради туристического интереса, конечно - а посмотреть здесь было ровным счётом нечего, а так, воздухом подышать да к работе подготовиться. Во всей деревне была всего лишь одна-единственная улица со специфическим и почти что неприлично

звучащим громким названием “проспект им. Ететлелотля”, да и та протяжённостью не белее метров трёхсот или трёхсот пятидесяти, а потому деревня эта скорее уж на хутор какой-то походила и состояла сплошь из кособоких, но похожих друг на друга, прямо-таки, как родные братья и сёстры, бревенчатых срубных избышек, стоявших к лесу, начинающемуся за Икпитлями, всенепременно, отнюдь даже не передом.

- Ведаю, ведаю я, аки напасти твою слечити, исцелити тебе ото горяшки-та твоя горемычнаей. - сказал дед Порфирий, когда все трое прошли уже никак не меньше трёх километров. Вышки, казалось, не приблизились ни на шаг, хотя деревня скрылась уже сзади за горизонтом.

- А что это у вас в Икпитлях улица так странно называется? - поинтересовался у двух дедов Велимир.

- Ух, давнёхонько та было-та, кака шас сопомятую, ишо не запамятовал-та, небось, про Ететлелотль наш, ядрён яго во копалку! Дак-та эт нама тута со Хрущёву уремён, Никиты нашего Сергеича, улицу-та обозвали такмо. Эт она “три кукурузы”, по ихнему-та, величаеся. - ответил Порфирий Путятых.

“Три кукурузы”, - повторил про себя Велимир, тщетно пытаюсь понять логику, заставившую людей назвать улицы подобным образом, а вслух спросил:

- А на каком языке-то название это?

В ответ - молчание. Порфирий сделал вид, что не расслышал, а Вышата, как-то странно ухмыльнувшись, еле заметно покосился на своего гостя. На миг Велимиру почудилось, что во взгляде у деда мелькнул проблеск какого-то дьявольского огонька.

- Токмо, просты таки напасти твоя не слечиваеся, не-а. Шубутнай ты шибко, ух зело шубутнай. Я жа на тебе усё глядучи та усё диву не передивися. - перевёл тему разговора Порфирий. - Оттого и потеешь. Вота мы ша аки припехам, будеть тута местечко одно любопытная, сделаю привал, перекуснём, а тама ужо я тебе покажу, шо делати-та надобно ба.

Так они шли втроём ещё пару часов. Вышки так и не приблизились.

- Ну шо, мы тапереча-та перекуснём? - внезапно столбом, как вкопанный, остановился дед Вышата Пахомыч.

- Та шо жа не перекусити-та, брюхо-та съестнам набити - оно заседа дело-та добре. - вторил ему в ответ Порфирий Путятых и, словно бы в подтверждение своих слов, похлопал себя по жирному животу.

Расстелив в поле клеёнчатую ткань, путники принялись за трапезу.

Был тут и квасок-морсок, и ягоды всё те же, от которых дико урчало в животе, и яблочки наливные, и хлеб домашний с отрубями, намазанный смесью из разных сортов хрена, и откуда-то взявшаяся в здешних краях копчёная осетрина, и даже испечённый дедом Вышатай медовик.

- Та ты покушь медовичку-та, покушь. Та морсику со ягод местнах, со околесьсургучнах нашах лесов та полян собирающих, задерябнись. - посоветовал Велимиру Вышата. А когда всё было съедено до последней крохи, то Порфирий принялся вглядываться куда-то вперёд и чуточку вверх. В направлении его взгляда оказалась странная горка или холмик, поросший ранотравьем салатого цвета. За горкой должны были где-то выситься нефтяные вышки, но с того места, где расположились все трое путников, вышек не было видно вовсе.

- Ну вот мы-та и почти допехали. - хором сказали оба деда. - А дале то вышак токмо долетети можешя. Тута оно не абы кака, тута оно настояща межа проходити-та, шо никаки не перейтити-та. Ко ней мож токмо со инаковой стороны подокрастиси, та и сотворити усё, шо хошь, а вота отседова - токмо долелети. По небу на крылах, аки птаха малыя. Аль у космусе на ракете-та, аки Гагарин и Терешкова.

И не дожидаясь никаких вопросов, Вышата двинулся напрямик к вершине холма, оказавшегося ни покатым и ни пологим, а с какой-то выемкой-ложбинкой на самой его верхушке. Если сесть в эту ложбинку, то вообще ничего видноо не было, кроме её краёв со всех сторон где-то над головой. Ямка была довольно объёмистая, поэтому все трое в ней поместились без каких бы то ни было проблем.

- Вишь, у центри ложбинки камушки лежать? - спросил Вышата.

- Ну вижу. - нехотя откликнулся чуточку так подуставший от пути Велемир, разглядывая разбросанные по верхушке холма булыжники всевозможных форм и размеров.

- Та, та, туточки лежать, туточки! - подскакивал от радости дед Порфирий. - Ты тапереча-та эт, по кажему булыжнику-та и тащи на краешак ложбинки. Со них укруг сложити надобнось ба тебе. Буде твое личной округ Силы.

Велимир, поморщившись, посмотрел на дедов. "Сумасшедшие что ли?" - подумал он и возмущённо спросил в ответ:

- А если не понесу? Устал я с дороги, чтобы ещё камни вам тут таскать.

- А ты хошь со своая напасти-прелусти исцелитися, али не? - задал Порфирий Путятых риторический вопрос. - Вота тада и делуй, шо тебе бають и не ёрничай. У тебе свое способа, а у нас - свое. Эт жа лечение, оно не за просто така, а оно жа особливое. Вота подлечам тебе, та и

дале ко вышкам твоим попехам втроечкась-та.

Тяжело вздохнув, Велимир принялся таскать камни на верхний край ложбины с той стороны, откуда было видно нефтяные вышки, торчащие в поле.

- Вуровень, вуровень по округу вылаживай! - мелким бесом прыгал подле Велимира дед Порфирий. - Ты глядь, овал мене тут не укладь, аль який-нить тама прямоугольняк, вуровень округ давай ложи-та, вуровень он быти должен ба!

- Аки пипка носу. - поддакивал ему Вышата.

- Во-во, аки пипка. - вторил Порфирий.

Прошло примерно полчаса, а, быть может, и чуть больше. Круг из камней был готов. Выбранное место оказалось довольно неудобным: с одной стороны крутой покатый склон в ложбинку на верхушке холма, с другой - спуск с самого холма. В обе стороны можно было бы кубарем слететь, даже не морнув глазом.

- А тапереча, - представительно сказал дед Порфирий Путятых. - ты должен сести у центру округу у позу Орла, та и сидети тама то тех пор, пока мы не сказати тебе увыйти со округу. При этысь ты должен пристальну глазети у сторону своих сердцу любях нефтянах вышак у линию горизонту и никудыть боле не глазети. И не удумай обо шом-нить удумати мене тут. Твай ум должен быти чистой, яснай та беззаботнай, пряму аки у младенцу неурзумнога како-та.

Ещё более тяжело вздохнув, чем в прошлый раз, Велимир уселся в центре круга камней в позу Орла. Он происедел там очень много времени, казалось, что это занятие никогда не закончится. И вот когда у него уже полностью задеревенели руки и ноги, праткически перестав ощущаться он заметил где-то снизу от кромки горизонта с вышками, некое неясное колыхание и увидел краем глаза, как по полю скачет какой-то человек. Велимир хотел было уж подозвать Вышату Пахомыча, но тот и сам как раз в этот момент произнёс прямо в ухо: "Глядь, глядь унимательно, аки дед Порфирий у своим соновидение кажеь тебе танец Силы у поле. Ежели ты уразумеешь, шо жа тут на самум деле творися, эт позволит тебе у грядущем волноватися та шубутитися намногу менея и сполнысь законтролировать усё, шо со тебе происходит у сне."

Не смея шелохнуться, Вилимир стал вглядываться дальше.

- Та ты токмо пристальну на него не углядувай. - посоветовал Вышата. - А то он счезнет.

- Как такое может быть? Ведь вот же он, дед Порфирий, сбоку от меня лежит, дремлет.

- Таки он тута у своим первом теле дремлят, а у своим вторум теле - дубле - глядь, аки по полю скачет-ма, сголяеся веси.

И действительно, Порфирий стремительно передвигался примерно метрах в ста от Велимира практически набирая скорость гепарда. Дед кувыркался, переворачивался, растягивался, как струна. Заакручивался, то, как будто вдруг ни с ого ни с сего поднимался на какую-то лестницу, выстраивая её, незримую, прямо в воздухе, то вдруг делал вид, что поднимается по канату и, действительно, полз вверх опять-таки по воздуху. Затем он начал ярко светиться, превращаясь в разных животных.

На какой-то миг Вилимиру показалось, что он видит вдалеке огромного пляшущего бурого медведя вместо Порфирия, но стоило ему посмотреть на этого медведя в упор, как вся картинка словно бы размывалась, а затем вновь становилась чёткой, но уже безо всяких медведей. Когда же он переводил взгляд опять к нефтяным вышкам на горизонте, как скачущий, словно мальчишка-оборванец, дед Порфирий тотчас же становился опять заметен, то крутясь юлой, то меняя цвета одежды, то снова превращаясь в разных лесных диких зверей и даже в невесть каких существ, которыми и названия-то подобрать было трудно.

- Не удумай тута ни о чём. - почти на ухо шепнул Велимиру Вышата.
- Нонча-та ты у соновидению, ты соновидиши дублю Порфирию.

- Чего? - откликнулся Велимир.

- Не удумай ни о чём, таки жа я указал, цыц! Разумей жа, шо усе творитися токмо у твоея голове и позволи получающемуси образу Порфирия Путятыча притянути тебе ко нему за неузримые нити, коими не токмо се поле пронзено, но и вотше уся уселенная. Мы жа не случайнысь заковыбрали тако неудобнае месту-та для твоего расположения, шоба усё твое внимание та усё твое чуйствовае упехало на то, аки ба тебе заудержатися, не полетевшась коломком-та уперёд альбо назад кудыть. Плюни ты на своя нефтяныя вышаки, глядучи луше, ако он красну да укладну станцуываает.

- Странные же у вас тут методы лечения. А мне ведь работать надо!
- почти взмолился горе-командировщик.

- А то ба ишо бысь ба не странныя! У нас таки делати уся деревня можит. Мы жа усе тута видящая - тольтеки, эт еси по удревняму-та. Эт ажно со времён подоисторических заушло - аки наши Сургучные Икпитли состроили. Во местнах-та чашобах ух и забористыя корешки водюси - ты тута хошь не хошь, а видящам созаделашси. Ну а ото них-та оно жа и потянулося. Шас у нас-та у деревне ниуто безо того не обходися, шоб видящам-та быти. Последняя нагуаль, ну яго ишо

Диласом Грау кликали - слышал ты мож - завещал нама усем иттить по яго стопам. Ну та мы жа сами до того веданья ишо ранея докумекались, ано - глядь - связь замежду мирами таки и держам. Та ты глядь, глядь, аки Порфирий-та наш жа Путятыхч уразошелси вись у себе.

И впрямь, дед Порфирий изгибался в поле дугой, растягивая собственное тело на добрые метров тридцать, обращаясь практически в тончайшую струну. Касаясь земли, он притягивал своё тело, в какой-то момент лишь на миг становился самим собой и вытягивал его дальше, походя на чудного и по-детски противоречащего всем законам физики червячка. Велимир думал, что это ему ещё что-то напоминет, и, спустя мгновение, до него дошло воспоминание откуда-то из детства, как он обожал, ещё в детсадовском возрасте перекатывать с реки на руки такие разноцветные пружинки-тянучки их пластика - круглые или в виде каких-нибудь там звёздочек. Они щёлкали, похрустывали, издавая звуки, похожие шорох некой волнообразной трещотки. В детстве он мог ходить и крутиться с этой пружинкой, наверное, никак не меньше двух или трёх часов в день. Вот и сейчас Порфирий производил такое же, пружинистое или пружиноподобное, впечатление.

Спустя некоторое время, у Велимира возникло ощущение, что он парит где-то высоко над пляшущим в поле медведем, в которого дед превращался снова и снова. Бурый мишка прыгал с ноги на ногу, и когда его когтистая пятка прикасалась к земле, то доносился грохот. Наопминающий землетрясение или эхо далёкого грома. Сама Земля сотрясалась от пляски медведистого деда. Но самым главным парадоксом была возможность наблюдать Порфирия спящим буквально в паре метров от Велимира, который в то же время видел всю панораму сверху, точно бы воспарив под облака на кукурузнике или дельтаплане. Эта двойственность чуть ли не сводила с ума.

- А тапереча почутка-почутка, тихохо таки, притяговуси ко медведу. - посоветовал Вышата. - Представи, шо на тебе нацепляны заподтяжки и на медведе тожа заподтяжки напяляны, и вы таки вдвоечка этими заподтяжками, аки магнитами, друже ко друже притягуетесь. Вот, вить, дедко, сосед мой, вродь вить, нишо не умет, нишо, окромя корешков да грибов своих собират, ан не жа, вона, глядь, акий умастер. Мы тута оттого-та ишо усе видящае, шо делати-та окромя того неча на деревне-та нашай, вота видь се та видь. А у Порфирию ко энтому скуству ишо со детячьего возрасту сосклоннысь бысь - усё по чащум та дрегвум шарилси та шасталси, со лешами та водянами беседувал усё, во избе-та своя домоваго заувёл заместысь зверухи малуй, кошака тама альбо пёса, таки они и живут уместе. Нишо та не кажеш ты тута -

профессёнал наш-та дедко Порфирий!

С этими словами, донёсшимися до Велимира как-то уж слишком издалека и словно бы из глухой бочки, Вышата замолк, а гость его и впрямь почувствовал с трудом сдерживаемую взаимосвязь с пляшущим бурым медведем в поле - и тотчас же притянулся к нему. Было странное чувство, будто Велимир вдруг уснул или неожиданно потерял сознание, и в следующий же миг он уже был способен наблюдать танец зверя буквально у себя под носом, в то же время наблюдая самого себя другой частью себя на расстоянии сотни метров сидящим в позе Орла на холме.

Прошло ещё некоторое время, прежде чем эта двойственность перестала пугать и стала казаться самой естественной вещью в мире, доступной всем прямо-таки с самого рождения. Но когда Велимир присмотрелся к медведю, то заметил, что последний танцует подобно пламени свечи или фламинго на африканском побережье в Серегети. Лапы и морда медведя постоянно меняли форму, вытягивались, преобразались, шерсть становилась дыбом и расходилась волнами, зубы звенели, как клавиши клавесина, а когти переливались гирляндами.

- Гляди, унимательно гляди, ишо унимательнея, ишо. - инструктировал Вышата. Вдруг Велимир понял, что уже несколько минут не видит ни деда, ни медведя, ни круга из камней. А стоит просто посреди колосающегося поля. Где-то сзади высится холм, на вершине которого значатся три фигуры, среди которых был и он сам, по-прежнему сидящий в круге из камней и внимательно, прямо-таки пристально разглядывающий его самого в сотне метров в поле. Странное дело, но удивление не приходило. В каком-либо другом случае, произойди такое в городской суете или, например, во время работы, или дома, он бы, конечно, несказанно удивился подобному положению дел. Но сейчас разглядывать себя самого с расстояния сотни метров было довольно-таки любопытным и почему-то ничуть не удивительным занятием.

Тут он заметил какое-то шевеление, как будто мушки или мошки летают в воздухе. Картинка сменилась без всяких переходов, исчезнув, и тогда Велимир понял, что на месте мельтешения он видит того самого человечка, которого вчера видел в бане. “Ох, Вышата, ох и прохвост! Нут никого да нет никого, тоже мне, вот и верь теперь его словам”, - лёгким бризом пронеслось где-то на окраинах сознания Велимира. Человечек с птичьим взглядом и длинной бородой по-прежнему стоял и смотрел прямо, абсолютно не шевелясь. Где-то внутри головы раздался

голос: “Тапереча ты созерцашь нефтяного сподручника, якого приулёк-та своим переуносом во уторое униманье, аки демонстрацаей вышакаго уровню личнаей Силы”. Похоже, это был голос Вышаты, а, быть может, и не его - понять было уже практически невозможно. Но голос звучал именно ровно в центре головы.

Чуть откашлявшись, голос продолжил: “Последний нагуаль указал нама-та многу интереснаго обо суцах-сподручниках, яких може приобрести кажый изо нас, та и учиться ото них усяким любомудрам та добротнам вещам. От он токмо запамятувал донесть до нас, шо сподручники-та ишо боле ако заподразделяюся. Он говаривал обо водянах та огнях сподручниках, а ажно не - те вить ишо дяляся, вишь ако! Огнявья суши-сподручники дяляся на нефтянякув, угольнякув та газовакув. Усё иха ись сути энергия огня, хотя ба и у замаскированнум виду. Усяко сподручникув-та ишо кличут: кто их олли зазывает, кто - элаи, кто - джинами та дэвами. Ну та ись у них-та и другия названия, усё ись едино - неорганичаския суши-та. А ну-ка ты давась, хвать яго за бороду, он не будесь таки завечну стояти та смотри на тебе. Ну жа, не боися, токмо, глядися, не упусти яго, а то бородою-та защекотат тебя.”

Велимир схватил мужичка за бороду, и в этот самый момент возникло ощущение щекотки где-то в области солнечного сплетения. “Дер-жи, дер-жи, дер-жи, ишо дюже дер-жи!” - деды начали хором скандировать, аж подпрыгивая на холме. Велимир почувствовал, как из рук борода человечка провирается вовнутрь, расплзаясь изнутри Велимира сначала к локтям, а затем и к плечам, до тех пор, пока не запонила всё его тело шевелящейся щкотной щетиной. “Та, они жа таки, нефтяняки ентись, таки - усё има бороды-та подавай ить ако!” - пояснял Порфирий Путятыч, похикивая. - “А безо бороды-та жа оно кудыть, а безо бороды-та оно жа никудыть, эт жа украшение. Токмо жа украшение оно не за просто таки, у суши-та борода волшебныя быти. Луше ба оно быти, если ба ты сам быти созаделанысь из яго волос-та, аки кака куколка соломенна.”

Время растянулось. Щетина волос распластывалась в разные стороны сквозь кожу, сквозь всё, что происходило где-то изнутри. Не было ровным счётом никакого спасения от этой бороды - она пролезала повсюду, завывая, как ветер в ушах, усах, ноздрях, в каждой поре на поверхности кожи. Когда моя схватка с бородатым человечком прекратилась, то Велимир обнаружил себя по-прежнему сидящим в позе Орла на вершине холма, и тогда его пробил озноб: всё тело дрожало от холода, покрытое густой испариной, а точнее, промок от этой испарины насквозь, и пот капал с его носа, ушей и заливал глаза

ещё похлеще, чем в баньке. Тут только он обратил внимание, что день давно закончился, а над головой ярко сияют звёзды.

- Ну-та попехам, попехам назад, суспеш ты ишо со вышаками своими расквитася, ой аки суспеш-та, зато у тебе ись тапереча свое олли-соподручняк. - послышался голос одного из дедов, неясно кому именно принадлежащий, буквально под самым ухом. Велимир, чуть ли не теряя сознания еле-еле добрался до добротной избы Вышаты и, даже ни разу не обмывшись в баньке, тут же повалился с ног на лежанку и забылся глубоким сном.

Во сне он увидел странную вещь: под большим увеличением, как скволь мощную линзу или слабый микроскоп, он мог наблюдать и наблюдал вращение-кручение каких-то шестерёнок, коленвалов, переливание масел, превращался то по проходящий по проводам ток, то в странный поршень, казалось, что, вместо рук и ног прорастают колёса, да и сам гость Вышаты уже мало на что походил во сне. Внезапно, картинка сна как будто бы остановилась, замерев: замерли птицы в полёте, замер ветер, приподняв листья, замерли бегающие по улице дворняжки, всё обратилось в статичную картинку, да и сам он чувствовал, что не может ни сдвинуться с места, ни даже просто пальцем пошевелить. “Он здесь”, - сказал какой-то голос в голове и вдруг Велимир увидел, как, прорывая фон сна, точно дырявые фотообои на стене, откуда-то с противоположной стороны сновидения, сквозь образовавшуюся дыру пролезает тот самый бородатый человечек, виденный сперва в бане, а затем и в поле.

- Здравствуй, Велимир. - на этот раз человечек оказался намного более подвижным, чем в предыдущие моменты встречи с ним, по-видимому, в обмен на подвижность самого Велимира - двигаться мог либо он, либо человечек, а вместе и одновременно гармонично двигаться у них всё как-то не получалось. Наверное, просто не срослось. - Теперь мы едины. - продолжил человечек. - Знаешь, когда-то давным-давно, ещё до открытия человечеством полезных ископаемых, мы поняли, какой мощный энергетический потенциал в них сконцентрирован - это же почти что чистейшая и безграничная энергия, правда, вд ремлющем состоянии. Именно поэтому мы, неорганики, являясь в снах людям, объяснили им, что эту энергию можно добывать из недр Земли и заставлять делать полезную работу. Связав свою личную Силу себя с Силой из полезных ископаемых, мы подзаряжаемся постоянно всё то время, пока эти полезные ископаемые используются, а потому мы практически бессмертны до тех пор, пока весь запас на планете угля и торфа, нефти, газа не будет исчерпан. Я вот

подзаряжаюсь, когда едут автомобили, летят самолёты, жужжит бензопила и даже если просто ворочает остриями лезвий газонокосилка - это всё придаёт мне сил и наполняет мою энергетическую трубчатую структуру дополнительной мощностью.

Теперь ты и сам сможешь убедиться в полной правдивости всех сказанных мною слов - от первого и до последнего. Ты же знаешь, что сущности не умеют врать, будучи сделанными из Вселенской паутины, способной являть только факты собственного существования и ничего больше, но некоторые из нас способны говорить правду и только правду таким образом, что в сознании человека она превращается через особенности искажений человеческого ума и становится диметрально противоположной сама себе.

Люди рады обманываться, переделывая любые сведения под приемлемые для себя - и иногда правда настолько проитворечит самой сути человеческой личности, что в процессе восприятия и подстройки под сам факт возможности быть воспринятой хоть как-то, видоизменяется до неузнаваемости, теряясь в джунглях ваших разумов. Мы же, олли, отличаемся непосредственным и обширным неискажённым видением сути вещей, но, будучи неспособными, в отличие от вас, к гибкости искажения Реальности, вовсе не воспринимаем ничего, лежащего за пределами доступного нам диапазона энергий. И это коренное отличие нас от людей и объясняет тот непреодолимый для нас факт, что ложь не является одним из свойств, характерных для мира, откуда мы родом. В этом плане вы, люди, более аморфны и подвержены изменениям, тогда как олли - строго выделенные части бесконечного, комбинирующиеся в бесконечных же вариациях проявления себя. В этом и заключена сущность всех сущностей.

А тебе теперь настало время знать правду: связавшись со мной щетинистыми потоками бороды, ты уже не отвяжешься. - и с этими словами неорганический союзник захихикал. - можешь звать меня Олли Лукойла, ведь этой твоей компании, которая тебя командировала сюда, и принадлежат нефтяные вышки, посредством которых я черпаю Силу из недр Земли. Ещё тебе следует знать, что такие, как я, обитаем не везде, а приходим лишь отуда, где добыча полезных ископаемых совпадает с местом Силы. Но так как именно мы и настраивали разумы людей на задействование природных ресурсов, указывая им путь и подсказывая способы геологической разведки, то сейчас абсолютно все нефтяные и газовые вышки, угольные шахты и карьеры располагаются как раз в таких местах, откуда мы можем легче всего, пересекая

границу между мирами, являться вам в сновидениях и определять содержание этих сновидений, рассказывая вам сказки Силы через проявление энергетических фактов сцепления потоков наших полей восприятия с единообразным интерпретационным механизмом рациональных рассудков людей в обмен на дар наших аспектов восприятия, которыми оказываются способны пользоваться сцепленные с нами люди.

Впрочем, нам самим чаще всего приходится прокладывать путь к людям, а не наоборот. Средневековые европейские алхимики, звездочёты и ведьмаки путали своё отрывочное видение нас в своих бредовых белено-беладонных полётах с собственной нашей сутью, давая нам глупые имена и приписывая качества, которых у нас отродясь не бывало, называя демонами и бесами, страшась до мокрых штанишек собственных суеверий и отражений в залежах коллективного бессознательного, сдобренного в Средневековье ортодоксальным религиозным фанатизмом. Арабы оказались мудрее европейцев и даже научились с нами взаимовыгодно общаться, о чём до сих пор слышны отголоски в из литературе - вспомни сказку об Алладине и его дружбе с джинном из лампы, к примеру. Хотя и в вашей стране о нас, по крайней мере, слышали. Недаром же известный герой известного произведения на чёрте летал за чечевичками - всё это обрывки памяти о встречах с неорганическими союзниками.

Конечно, немалую брешь в завесе нашей тайны, которая только кажется тайной в силу неумения людей общаться с нами, их страхов и предрассудков, проделал оставленным литературным наследием в виде графомански-многотомных мемуаров ученика чародея последний из тольтекских нагвалей Дилас Грау, но и он обошёл стороной одну важную деталь, к которой вплотную приблизились жители страны восходящего солнца со своим синтоизмом, обнаружив практически полторы тысячи всевозможных “божеств” всего подряд - почти что каждого явления и процесса, которые только был способен выделить человеческий ум, но и эти полторы тысячи сущностей - лишь капля в море бесконечности, обособленная свойствами этого самого ума всё выделять, подразделять и упорядочивать.

А правда здесь в том, что как в мире людей гравитация притягивает предметы друг к другу, так и потоки энергий осознания в бесконечности формируют намерение Вселенной, притягивающие более тонкие струны потоков к более толстым по признакам сходства типов энергий. С увеличением количества струн, будто прилипших к базовому первоначальному намерению явлений, возросшее

самосознание приобретает всё большую и большую самостоятельность до тех пор, пока не превращается в относительно автономную сущность, выражающую то или иное явление с позиции восприятия любой другой сущности, во всецелостности по-прежнему оставаясь лишь несвободной балансировкой того равновесия струн, которое позволяет всей Вселенной сохранять свойство собственного существования. И именно поэтому нас - не счесть.

Как муравьи устремляются к палочке, смазанной сиропом, если её засунуть в муравейник, так струны мира устремляются к его магистральным потокам, также состоящим из этих струн, и чем более тонкие струны по своим частотам циклов пульсаций сходны с пульсациями более широких струн, тем скорее они оказываются притянуты друг к другу. Так появляются сущности ветра, грозы, деревьев, трав, кристаллов и камней, наводнений и землетрясений, воды и огня, а также нефти, газа и угля.

Древние языческие и шаманские воззрения людей на мир были более всего приближены к действительности, хоть и в наивно-упрощённой форме, а со временем люди всё более и более удалялись от понимания природы существования, погружаясь в сон из сконструированных ими самими правил, порядков, норм и заповедей, не имеющих к Реальности никакого отношения, поскольку не отражая обустройства действительных структур, всё человеческое не несло Силы, лишив её всё человечество. Ведь именно умение быть зеркалом потоков естественных структур Реальности и есть открытость миру, а степень открытости миру и определяет уровень доступной для использования энергии, которая не может никому принадлежать, кроме самого существования уже в силу того, что все потоки энергий Вселенной в каждой кажущейся её точке нераздельны друг от друга. Любая из сущностей способна эволюционировать, но с разной скоростью. Чем больше у потока сущности энергии и чем шире его магистраль, тем быстрее этот поток развивается и тем сильнее притягивает нити Силы.

Кстати, и люди здесь не исключение. Люди - точно такие же развивающиеся в потоках времени сущности одной категории, лишь одни из бесчисленного количества таковых - как воспринимаемых людьми, так и принципиально для них непостижимых. Из Сургучных Икпитлей ты, как правильно отметил дед Вышата, так просто до вышек ни в жизнь не доберёшься. Сначала тебе стоило бы добраться до меня. Но всему своё время. - наконец-то закончил свою речь Олли, прочитав Велимиру целую лекцию, от которой тот, пребывая во сне, чуть было не

уснул повторно, а затем неорганик просто растворился в воздухе, оставив Велимира в состоянии полного задумчивого недоумения.

Следующее утро задалось солнечным, но ветреным.

- Уо-хо-хо, ужо солнце давнёхонько у небе, а он усё лежибокит се, акой лодырь-та. Подымайсь, нужда тебе ись, нонеча-та мы уси умести попехам говорити со гонцами сущей твоых нефтянах-та у полю ко вышкам далече у горизонту-та зримам. - будил дед Вышата Пахомыч получше дворового петуха.

- Это с кем же? Я вот представитель своей компании, работаю там.

- Ну та шо ты, шо ты, чай-та ты удумуваш тута мене. Акий ты представитель-та? Та ты жа даж не воян, хотя ба и с бородатам нефтяником своим за пазухою-та.

- Так кто же этот представитель? - не унимался Велимир.

- Та ты и сам-та усё увидишь, усё увидишь, делу-та уремя, а запотехе - час. Ужто тебя таки гложет, кто тама та кудыть?

- Сегодня-то мы хоть до вышек дойдём?

- Тож мы погляням, погляням, оно иттить-та далеча жа, мож оно и допехам, а мож и не. Занаблюдай за знакуми духу, та ты и сам тадыть усё уразумешь-та.

В этот момент где-то над крышей загоготал голубь, а с далёких болот раздался последний прощальный ночной гул выпи, а рассветное солнце зашло за маленькую кучевую тучку. “Не дойдём”, - подумал принявшийся усердно наблюдать за знаками Велимир. - “Уж больно они гогочут”.

- Ты главно, про олли-та свояго не запамятувай себе, отколи-та заобщатися собирашася, без яго никако-та заобщеня не буват.

- А что, Порфирий Путятыч-то с нами не пойдёт что ли?

Вышата посмотрел на Велимира пристально, но ничего не сказал, довольно ухмыльнувшись. Спустя некоторое время, он всё же ответил на заданный вопрос:

- То жа не кажай день-деньской со соседушкою цацкаться усё, та жа не кажай, не. Аки бути у тому нужда, таки и попехам уси опяти, а отколи нужи нетути, ак и шо толку-та таскати яго кудыть? У тебе тапереча-та олли ись. Вота яго и таскай, а Порфирий нама нонеча-та нипошо не задалси.

В этот день дед и его гость дошли до того же самого холма, что и в предыдущий, и на холме разразился такой ураганный ветер, что идти дальше не было никакой возможности. Ветер буквально сбивал с ног. Казалось, что ещё чуть-чуть - и он унесёт куда-то в поле, как будто в небе, там, вдалеке у нефтяных вышек, образовалась дыра в открытый

космос и принялась всё подряд засасывать.

- Ты-та тапереча должен улечися на брюху своя и обложися мешочкуми со травуми, кои вота я тебе дам ша. Туточки травы у нас хорошае та ухаучае, ароматнае: лист смороднай, мята, любистоку чутка, анис сушёнай, аир дрягвовай, тимьяна кустяк. Ну та умногу-та шаво приятнаго та полезнаго, я ужа не уговорити про пиён, календулу та ромашуку от запарок твоых кожанах ночнах. Давай-ко, ложиси на брюху та закрести глаза таки, аки буде засобирашаси ими крест-накрест изо тачанки акой пуляти. Давай жа, давай. - подталкивал Велимира дед Вышата Пахомыч. - Нишо со тебе не заделаси.

Спустя некоторое время Велимир почувствовал, что мир вокруг него стал как-то необычайно велик, а каждая травинка казалась целым стволом дерева. Ощущение изолированности усугублялось также и тем, что в ложбинке ничего не было видно, а ветер, дующий с яростно-неимоверной силой, как крышкой прихлопывал откуда-то сверху, тяжело придавливая вниз. Вскоре Велимир понял, что так и есть: он стоит в лесу. Впереди высилась какая-то остроугольная, немного похожая на вулкан, земляная насыпь. Лес вокруг вовсе не был обычным. Он как-то странновато блестел, напоминая заросшие джунгли где-нибудь в тропиках или на экваторе, так что не было никакой возможности сказать, как он тут чутился и где он тут очутился.

Поскольку единственным ориентиром была земляная насыпь, то к ней Велимир и направился. Вдруг земляная насыпь зашевелилась, и из неё показалась ворсистая и усистая морда крота размером с голову увесистой кобылы.

- Здравствуй, Велимир! - сказал крот.

- Здравствуй, крот! - сказал Велимир.

- А я и не крот вовсе. - ответил ему крот. - Я и есть тот самый, кого ты ищешь, проводник неорганических существей в мире людей.

- Ну не может же такого быть, чтоб ты был таким огромным.

- Конечно, не может. - согласился крот. - И, тем не менее, я именно таков, каким ты меня видишь. Это мы, псевдокроты, прорыли поверхность планеты до самой нефти, и теперь вот верно служим нашим олли. А куда же без этого? - крот чихнул и уставился на Велимира, будто бы ожидая ответа от последнего. Крот смотрел на Велимира, а Велимир - на крота. Через некоторое время зверь продолжил:

- Ну, как я погляжу, ты что-то совсем уж не сообразительный. Я-то ожидал от тебя вопроса о том, как добраться до нефтяных вышек, раз уж за предыдущие два дня не дошёл.

- А, ну да. - только и смог выдавить из себя Велимир, выйдя из полусонного оцепенения.

- Вышки, вышки. - старческим голосом прохрипел крот. - Всё это слова, путаница из слов. Вышки, мышки, пышки - какая между ними разница? Но зато суть важно, что вышки дают нам силу, молодость и долголетие. Ты должен долететь до них, тебе говорили ведь уже.

- Долететь? Но как? - Велимир по-прежнему не отдуплял.

- А очень просто. Конечно, ты и сам сможешь долететь, твой союзник тебя может научить полёту во втором теле, но, опасаясь, что мы не располагаем достаточным количеством времени - у тебя уже скоро командировка закончится, а ты тут всё прозябаешь со своими нефтяными вышками. Так что можешь воспользоваться мной в качестве транспорта.

- Так-так-так. - промямлил Велимир. - Ты же только что советовал мне долететь, а теперь вот предлагаешь тобой воспользоваться. В качестве транспорта.

- Так в этом и нет никакого противоречия. Вот не мне и долетишь. - ответил ему проводник-псевдокрот и с этими словами выпустил из-за спины красивейшие трепетные крылья, как у редкой тропической бабочки. И, наверное, даже ядовитой. Крылья были расцвечены самыми нефообразимыми фантастическими узорами.

- Держись за мои вибриссы. - посоветовал крот. - И не отпускай, представь, что это борода твоего олли. Ни за что не отпускай, а если отпустишь, то навсегда исчезнешь, затерявшись где-то между проекциями параллельных миров, а коль крепко будешь держаться, то я тебя вмиг доставлю-домчу, куда тебе нужно.

- Ладно уж, так тому и быть. - вздохнул Велимир и полез на загривок крота.

Крот, похоже, был недавно обожравшимся на обеде, а потому тяжело дышал, воспаря под облака. Но стоило бросить взгляд куда-то вниз, то оказывалось, что там проносятся совершенно другие ландшафты, далёкие от пасторального русского поля, в котором только что Велимир находился на вершине холма.

- Это ведь всё из-за Икпитлей ваших, из-за Икпитлей. - ворчал крот. - Ты хоть знаешь, где они на самом деле-то находятся ?

- Да как же мне не знать? У меня в родной области. - удивился заданному вопросу Велимир.

- В моей области, в моей области. - передразнил его крот. - Это от складывания пространства в гармошку тебе так кажется. Возьми вот лист, нарисуй с противоположных концов листа по точке-кругляшочку

ручкой там или простым карандашиком, а после возьми и сложи листок тот веером, и вроде покажется, что эти две точки эти почти соприкасаются, а расстояние между ними не больше двух--трёх миллиметров - в зависимости от толщины бумаги, сложенной в несколько слоёв. Затем разверни лись опять - и первоначальное расстояние между точками восстановится.

Вот и Сургучные Икпитли точно так же - только лишь отображаются в твоей области. Добраться-то до них можно, а вот выбраться из них будет уже тяжело, поскольку отсроены они, на самом деле, на месте руин древнего ацтекского столичного города Теночтитлана, но только в таком слое, который, прорываясь сквозь пространство, вылезит около лесочка в твоей области, но на самом деле, находясь в Икпитлях, что есть суть тоже название ацтекское, ты находишься на американском континенте. Ты бы пешком до своих нефтяных вышек на горизонте ещё бы полмира пройти должен бы был - да и то, не дошёл бы. Разве что через годик там, другой достиг бы, конечно, если бы выжил. Вот почему олли и посоветовал тебе не идти, а лететь.

Крот замолчал, а Велимир принялся размышлять над кротовыми словами. Всё это как-то совсем уж не укладывалось в голове. Послышался оглушительный грохот - это у крота включился режим реактивной тяги, а скорость подъёма в разы возросла, он поднялся высоко, очень высоко, но вот ведь странное дело - это совершенно не вызывало ровным счётом никаких затруднений в дыхании, хотя вид был поистине космическим.

А ещё через некоторое время пришло понимание, что дышать здесь совсем не требвалось, как будто не дышать - это самое естественное и повседневное состояние в жизни. Так что Велимиру даже стало немного обидно, что весь предыдущий срок своей жизни он неустанно днём и ночью двигал своей диафрагмой вверх-вниз, тратя силы зазря. Человек и зверь поднялись на такое расстояние от Земли, что Велимиру всего на мгновение показалось даже, будто верхом на кроте он несётся навстречу манящим звёздным пучинам, хотя они всего-то навсегда вышли на околоземную орбиту и лавировали между периодически проносящимися то там, то здесь искусственными спутниками и орбитальными станциями, поблескивающими нержавеющей боками, иллюминаторами и солнечными батареями.

Чтобы не соскучиться, псевдокрот начал под нос напевать бодрые маршевые гимны, мотивирующие жить, радоваться и строить идеальное общество, но вскоре, похоже, чуточку подустал и

окончательно замолк, когда воздух стал настолько разреженным, что петь оказалось просто нечем. Велимир любовался открывающимися видами. Внизу, под кротом, виднелись поначалу необъятные воды Тихого океана, затем потянулись джунгли индонезийских стровов, проявился треугольный контур Индии и цейлонской каплей проплыли где-то далеко внизу, оставшись позади.

Затем разверзлись гигантские пики гималаев и последовавшие за ними острые края и хребты Тибета, тоже сморщенного гармошкой и топорщащегося таким зубастым аппликатором Кузнецова своими белоснежными пиками, точно бы предназначенными исключительно для того, чтобы время от времени чесать и массировать облачную спинку земной атмосферы. Пронеслись пески диких пустыни вокруг Кабула, затем последовали озёра и казахские степи, и вот уж приближалась граница с Россией, когда псевдокрот астероидом под резким острым углом пошёл на спуск, показывая чудеса высшего пилотажа и вертясь штопором в сторону ускоренно приближающейся планетарной поверхности.

Вон, посмотри, вышки твои торчат, видишь? - котороко буркнул зверь.

Псевдокротовый пассажир был несказанно рад, когда увидел неподалёку те самые вышки, к которым он так стремился. Зверь осторожно спустил Велимира куда-то в поле. Вышка нависла прямо над головой, тарашась прямо в необъятную высь. Да! Вот это вышка была. Ого какая! Крупная! И уже у самой земли человек заметил, что там шныряет и беспокоится, будто бы в его ожидании - а, может быть, это и впрямь так и было - то ссамое тёмное облачко его помощника, неизвестно как вылезшего из запазухи и теперь то превращающегося в дымчаое облако тумана, то снова, точно отражение в мираже, обращаясь в банного человечка с болодой.

- Вон, иди к своему олли. - провоковал крот, масляно курлыкая.

Олли осмотрел Вилмира очень внимательно и придирчиво, будто терапевт стетоскопом:

- Таааак. Занятно, занятно. - с видом знатока союзник разглядывал, обнюхивал и разве что не облизывал Велимира. - Знаешь, что. - сказал олли. - У тебя сейчас точка сборки находится в очень и очень перекошенном вправо и невыгодном общечеловеческом состоянии. Этак ты ни разу за всю свою жизнь и не испытаетшь ты мощь, счастье и выгоду, которые даются нам полезными ископаемыми.

- А ну-кыть! - за спиной послышалась покшливающая и чуть ли не лающая хрипотца деда Вышаты, невесть как появившегося тут.

- Вышата! Ты-то здесь откуда взялся? - изумлённо воскликнул Велимир.

- Та я телепортировалси, междуть мирами пропехалси-та, аки ишо. Эт тебе кроты нузи, а я аки-та и безо усяких кротув обохожуси. Своям ходум добраси.

- Ну вот, дело сделано, как видишь. - крот и дед обменялись рукопожатиями, перплетя пальцы рук и когти лап.

- Смотри на меня. - упорно настаивала сущность. - Ты хочешь познать всю мощь этой вышки? Тогда ты должен очень громко, бквально во весь голос прорать намерение познать Силу нефти. Давай же, кричи.

- Что, прям вот так вот и базлать? Пот прям, как будто шершень в полупопие впился, слетев из-под облаков под ускорением?

- Та-та-та-та-та-та-та-та-та! Вотта прям таки жа точно и ори! - торопил его дед.

- Ага, ага, ага. - вторил Вышате крот.

В который уже раз тяжело вздохнув и набрав полную грудь воздуха, Велимир закричал: “Я намереваюсь вобрать всю личную Силу нефти!” А затем, чуточку подумав, добавил уже на понижении тона: “И угля...И газа тоже...”

- Ну угуль та газ были тощну лишнями. - нахмурил брови Вышата.

- Намерение лишним не бывает. - возразил ему Олли. Сказал, и стремглав кинулся прямо на Велимира и опять просунул бороду во всё его тело - от мозгов и до самых кончиков пальцев.

- Ууух! - только и выдохнул бедный Велимир, рухнув от неожиданности прямо на землю пятой точкой. - Ты чего творишь?

- Пфффффф. - пыхтел Олли от перенапряжения, прямо, как ёжик. - Точку сборки сдвигаю.

- Во нужное положение, ага. - твердил Вышата, поясняя.

- В нужное, в нужное. - кивал ему в ответ крот, поддакивая.

Свет померк у Велимира в глазах, и в следующий же момент он понял, что представляет из себя нечто иное, такое вот...совсем-совсем не человеческое - настолько, насколько это может быть. И тут он понял: да он же - жигуль-пятнашка. Вышата заулыбался: “Эх-ма, усё жа акой хорошей-та мой бизняс.” Он довольно похлопал тёплой шероховатой рукой по гладкому прохладному капоту бывшего своего гостя. - “А вы шо думати, откудыть у нас-та у России аутомобили берутися, ась? А эт я им пряму на завод поставляю-та, давнёхо жа уси заводы позакрылися, таки они не выпускаат нича, вотта и приходится мене изо случайнах заежах гостёв жигуля делати та на заводу увозити, а те ужо

перепродают, вроде аки товар-та ихний собсвеннай, у заводе заделанай. И посему у кажому аутомобилю по личному олли сидить унутри, бензинум, значиса-ма, подзаряжаюся. Оттого-та русския машины топливу кушат поболе буде, шем иноземныя - у иноземныя токмо на аутомобилю бензин-та уходить, а на нашах ишо и на олли тож. Ну та оно и компаниям нефтянам выгодысь тожа, доходу поболе имеют, отколи топливу треба поболе на аутомобилю. Ить буде и запродажи бензину повысшее. Хыти оне жа и ломатися почащее, машине те. Та оно ить ажно и ёжу ясно: ну кака вам добра тута машина буде, со людёв-та отколь заперделуна?”

- Не обманул же тебя никто, сейчас ты действительно сможешь каждым своим шарниром, каждым поршнем, свечкой и карбюратором ощутить всю мощь той личной Силы, которую даруют продукты нефтегазового химпрома. - с видом лектора пояснил автомобилю прицепившийся к нему Олли.

- Та ужо ты зацениси, зацениси, ух, проказняк-та! - кавал головой Вышата.

Ответить, конечно, что-либо и кому-либо, автомобиль уже был не способен, равно как и понять смысл сказанного. Вышата забрался прямо вовнутрь бывшего Велимира и, сев за руль, попытался его завести, затем вспохватился, что не заправил бензобак.

- Эх-ма, бензинчику ба. - проворчал он просительно.

- Так точно, мой полевой командир, будет сделано. - растянулся навтыяжку крылатый крот. Прошла минута или две, и вот уж зверь в своих когтистых земляных лапах тащил двадцатилитровую канистру, полную топлива.

- Зааааливась! Поооолне уперёдъ! - командовал дед из салона Велимира. Крот принялся заливать бензин в бак. Спустя несколько минут Вышата колесил по степи на новенькой пятнашке в направлении ближайшего мелкого городка, где у него была уже запланирована встреча с представителями российского автопрома. Ещё через месяц один студент-обалдуй приобрёл себе Велимира на свой День Рождения. А ещё через две недели студент попал в аварию, смяв Велимира в гармошку, просто чудом оставшись жив сам. Водить-то не умел.

Ещё через несколько недель остатки автомобиля утрамбовали под прессом, переплавили и наделали из него разных красивых ложечек, вилочек и сковородок с кастрюлями, короче - скбяных изделий, поступивших в продажу на территории города, откуда Велимир был родом.

*Белоусов Роман,
28 августа 2015 года*